

Е.В. Юсим

Чацкий

Герой комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (в первой редакции написание фамилии — Чадский). Вероятные прототипы образа — П. Чаадаев и В. Кюхельбекер. Характер действий героя, его высказывания и взаимоотношения с другими лицами комедии дают обширный материал для раскрытия темы, заявленной в названии.

Александр Андреевич Чацкий — один из первых романтических героев русской драматургии, и как романтический герой он, с одной стороны, категорически не приемлет косную среду, знакомую ему с детства, те идеи, которые рождает и пропагандирует эта среда; с другой — глубоко и эмоционально «проживает» обстоятельства, связанные с его любовью к Софье. Отношения Чацкого со средой могли быть подсказаны Грибоедову комедией «Мизантроп» Мольера и ее героем Альцестом, но лирическая стихия выявлена в образе столь «избыточно», что эта особенность позволяет нарушить привычные для литературоведческих схем подходы и отделить этого персонажа от классицистической традиции. Само сюжетное развитие доказывает, что Чацкий — романтический герой: тема странствий открывает его появление в доме Фамусова, где ждет его «загадка» любви Софьи, разгадать которую он сможет только в финале пьесы, когда случайные обстоятельства позволяют ему увидеть и понять суть происходящего. Активность Чацкого касается преимущественно сферы «идей» и почти не распространяется на конкретное движение фабулы. Гораздо более активны в достижении желаемых для них результатов Софья и Молчалин — антагонисты Чацкого. Обаяние героя Грибоедова складывается из тех новых личностных свойств, которые открывают для литературы романтики: сила характера героя определяется не его властью над обстоятельствами, а внутренней жизнью, которой свойственна «странность», несхожесть с общепринятой нормой.

С появлением Чацкого в замкнутую атмосферу московского особняка Фамусовых врывается сквозняк, сопровождавший героя в долгом пути в почтовой карете. Грибоедовская Москва окружена широкими заснеженными просторами: оттуда явился Чацкий. Мотив стремительного пути развивается уже в первых словах Чацкого, произносимых на сцене: «Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря, // Верст больше семисот пронесся. Ветер, буря; // И растерялся весь...» Образ Чацкого символизирует огромные пространства, из которых он появился. Иное основание московской жизни — «день за день, нынче, как вчера». Последовательно отмечаемые в календаре Фамусова вторники, четверги, субботы и связанные с ними обязанности сменяют друг друга в торжественном ритме этапов, положенных каждому живущему по «московскому» стилю.

Чацкий резко отличается от окружающих персонажей. Об этом можно судить по тому, как он ведет себя в наиболее конфликтных ситуациях. В своих реакциях на события Чацкий немного запаздывает, он словно не успевает за развитием внешнего действия. Это происходит потому, что герой одержим любовью к Софье и вообще отделен от происходящего рядом с ним. Роковое непонимание смысла событий, которые так тесно соприкасаются именно с его жизнью, неловкость многочисленных попыток связаться с «фамусовским» миром через Софью, ее враждебное нежелание понять его рождает нервное «безумие», «нетрезвость речи» (Гончаров), которая столь заметна в последних сценах пьесы. Герой Грибоедова проходит мучительный путь от неведения к трагическому узнаванию истины. Житейскую философию Софьи Чацкий вдруг понял до тонкостей, до мелочей: «Вы помириться с ним по размышленьи зрелом...» В финальной сцене пьесы Чацкий «выбирает себя», он исключает для себя всякую возможность сыграть другие роли, кроме своей собственной. Никакого компромисса не происходит. Отсюда

и решение: «бегу, не оглянусь, пойду искать по свету...» Герой Грибоедова уезжает, унося с собой репутацию безумного, продолжая свой путь, прерванный в начале сюжета.

Сценическая судьба «Горя от ума» сложилась так, что в печать, а затем и на сцену пьеса попала в искаженном виде. Поэтому современникам трудно было понять авторский замысел образа Чацкого. Они его отнесли к амплуа резонера, что никак не отвечает сложности сценического характера, созданного Грибоедовым. Первые исполнители роли Чацкого (в Петербурге и в Москве), крупные, незаурядные актеры — И. Сосницкий, сыгравший Чацкого с сценах из «Горя от ума», В. Каратыгин, П. Мочалов, исполнявшие уже всю пьесу, — были поставлены в невыгодные условия. Удавались части, но не складывалось целое. Полный текст пьесы был разрешен цензурой в 1863. В условиях другой эпохи, иного художественного стиля образ Чацкого был скорректирован социально и психологически, стал ближе к образам Островского. Великие актеры середины XIX века — И. Самарин, С. Шумский, А. Ленский — исполняли Чацкого более глубоко, художественно цельно, остродраматично. Но целая россыпь романтических красок и оттенков, данная автором образу Чацкого, исчезла.

В дальнейшем «Горе от ума», оставаясь репертуарной пьесой, обрастает трафаретами сценического исполнения. В 1928 необычный спектакль В. Мейерхольда «Горе уму» заново открыл обширный круг проблем, связанных с поэтикой комедии Грибоедова и представил новую концепцию героя. Э. Гарин в роли Чацкого соединял в себе лирическое и характерное. Смотревшие спектакль сравнивали его то с самим Грибоедовым, то с Одоевским, то с Чаадаевым, то с молодыми мечтательными героями новелл Гофмана.

В спектакле Г. Товстоногова «Горе от ума» (1962) роль Чацкого исполнял С. Юрский. Основная эмоция образа — искренняя, заполняющая всего героя, вновь вспыхнувшая в момент встречи любовь к Софье; основное свойство характера — свободное дыхание, полная внутренняя непосредственность в ощущении жизни, не смягченная никакими дополнительными соображениями житейского расчета. Чацкого в спектакле Товстоногова окружали не карикатурные монстры, а умные и сильные антагонисты. Борьба с ними отнимала все силы героя, становилась опасной для жизни. «Безумие» Москвы обрело в трактовке режиссера фантазмагорический характер.

Лирика и ирония, патетика и сарказм своеобразно соединены Грибоедовым в один поэтический стиль «комедии в стихах», которая требует соответствующей сценической формы, более сложной и изощренной, чем жанр социально-бытовой комедии. Чацкий как образ — часть этого стиля, преломление известной мысли Грибоедова, что пьеса подобна «превосходному стихотворению».